

В. Куйбышев

Эпизоды из моей жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В. Куйбышев**
Эпизоды из моей жизни / В. Куйбышев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
88 с.

ISBN 978-5-458-24844-0

ISBN 978-5-458-24844-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВАЛЕРИАН КУЙБЫШЕВ О САМОМ СЕБЕ

Воспоминания эти, ярко освещающие отдельные эпизоды героической революционной борьбы рабочего класса и нашей коммунистической партии, представляют стенографическую запись рассказов тов. Валериана Владимировича Куйбышева в кругу близких друзей во время отпуска в августе 1931 года.

Тов. Куйбышев так интересно рассказывал о своем прошлом, что друзья убедили его издать отдельной книжкой эти «эпизоды», как их называл сам т. Куйбышев.

Тов. Куйбышев все время собирался отредактировать для печати записанные с его слов рассказы, да так и не успел это сделать среди огромной массы дел, бремя которых он радостно нес до конца своей жизни.

Теперь, когда оборвалась эта прекрасная, кипучая жизнь милого, дорогого товарища Валериана, воспоминания эти появляются в таком виде, в каком они были рассказаны т. Куйбышевым его друзьям. Каждый, кто прочтет эти брызжащие ярким огнем, веселым юмором и в то же время полные глубокого содержания воспоминания, почувствует в них пламенное сердце пролетарского революционера, радостно, целиком, без остатка отдающего себя партии, рабочему классу, пролетарской революции. В сибирском подпольи—в Омске, Томске, Петропавловске, в Петербурге, в бесчисленных ссылках, в тюрьмах, на партийных конференциях, грузчиком Соколовым на набережных Петербурга и фрезеровщиком Адамчи-

ком на заводе в Самаре, членом РВС на Туркфронте и в боях за советскую власть в Самаре и в Поволжье — всюду перед нами эта могучая фигура профессионального революционера, воспитанного партией Ленина—Сталина.

Молодое поколение, наша Ленинская смена, может научиться многому у Валериана Куйбышева. Воспитание в кадетском корпусе — в старорежимном военном училище — не помешало молодому юноше Валериану Куйбышеву примкнуть на всю жизнь к нашему движению, сделаться рабочим, пролетарием не только по убеждениям своим, по идеологии, но и по образу жизни. Его необычайная скромность всегда сочеталась в нем с готовностью всем пожертвовать для дела революции. Как это похоже на Валериана, когда он отдает свой заграничный паспорт для другого, кому угрожает смерть, а сам подставляет себя под удар царской охранки. Какая сдержанная страсть в его рассказе об избении его в тюрьме! Какая убежденность в каждом новом его возвращении к опасной подпольной работе! Какое замечательное спокойствие и уверенность в победе в его рассказах о борьбе в период гражданской войны!

Валериана Куйбышева уже нет с нами. О нем говорит вся его богатая, насыщенная страстью борьбы жизнь. Со страниц этой книги говорит с нами сам Валериан Куйбышев, рассказывая об отдельных эпизодах своей жизни. Никакие статьи о нем, никакие воспоминания лучше не скажут об этой жизни, чем о ней рассказал Валериан Куйбышев. В этих рассказах особый аромат этой ярко прожитой жизни. Этим они ценны для нас. Они учат нас мудрости ярко жить, они вызывают в нас бодрость и радость борьбы за победу коммунизма.

Пройдут десятилетия, века: коммунизм победит во всем мире. Будут уничтожены, стерты с лица земли враги коммунизма. Такие люди как Валериан Куйбышев и в веках человеческой истории будут сверкать, искриться ослепительными огнями своей красочной, огненной революционной жизни.

И с восхищением будут люди будущего читать эти страницы борца и думать: каких замечательных людей воспитала наша партия, партия Ленина—Сталина!

Ем. Ярославский.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Дело было в 1905 году в Петербурге. Я был семнадцатилетним юношей, только что поступившим в военно-медицинскую академию. Мое участие в организации социал-демократов заключалось в том, что я распространял по районам нелегальную литературу, сдавая ее в районные центры распространения. Кроме того, мне было предложено получать на Финляндской стороне, в квартире одного рабочего, ящики бомб, приходившие из Финляндии, и отвозить их в центральный склад, откуда они направлялись (как мне было известно) по всей стране, а в данном году по преимуществу в Москву для вооружения московского декабрьского восстания.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в ноябре 1905 года. Однажды вечером я в сопровождении курсистки Агаты Яковлевой направлялся в связи с прибытием бомб в квартиру рабочего. Транспорт бомб заключался в двух длинных ящиках, которые нам предстояло перенести. Мы решили ящики вскрыть и обложить бомбами: в карманах, за поясом, на спине, на груди у меня и у Яковлевой разместился один ящик. Бомбы из второго ящика мы связали свертками, а частью из них я до отказа нагрузил свой довольно обширный портфель.

Мы вышли из квартиры значительно пополнившимися. Портфель был неимоверно тяжел. Квартира находилась на окраине в очень глухом переулочке и нам долго пришлось идти пока мы не вышли на сравнительно большую улицу.

Идя по улице, я вдруг обнаружил, что сзади нас, шагах в двадцати, идет околотовный надзиратель. Чтобы проверить, случайно это или за нами следят, мы свернули в первый по-

лавшийся переулочек и вдруг мы снова увидели этого же околоточного, идущего за нами уже по переулочку. Портфель и свертки страшно оттягивали руки, перекладывать из одной руки в другую было бы неосторожно, так как это выдавало бы необыкновенную тяжесть портфеля. Мы начали маневрировать: свернули в другой переулочек — околоточный за нами. Свернули еще раз — околоточный опять-таки за нами. Мы в полном отчаянии: дальше идти с таким грузом, который давил грудь, оттягивал плечи и руки до того, что они становились бесчувственными, — было свыше сил. Еще бы одна минута и мне пришлось бы бросить портфель, что означало не только потерю этих бомб, но и неизбежный провал, так как сзади идущий околоточный не мог не обратить на него внимания. Вдруг, осторожно оглянувшись, я увидел, что околоточный зашел в один из домов. Стало совершенно очевидным, что его путь лишь случайно совпал с нашим. Вслед за этим шагах в десяти от нас я увидел извозчика. Я позвал его, назвал ему адрес, мы сели и поехали. Удачный исход развеселил меня. Однако я с удивлением заметил, что спутница моя необыкновенно мрачна и на мой вопрос, в чем дело, я вдруг слышу встречный вопрос: «Вы сознаете, что вы сделали?»

Я недоумевающе смотрю на нее. «Ведь вы же провалили все дело, — сказала она. — Вы громко назвали адрес склада, а околоточный зашел в этот дом только для того, чтобы затушевать погоню за нами. Он все слышал, теперь ему не надо даже гнаться за нами, так как он знает адрес, куда мы едем. Об этом немедленно будет сообщено по телефону, куда следует, и провалимся не только мы, но и склад».

Нервы были взвинчены и опасностью дела, и мнимой погоней околоточного, и наступавшей ночью. Мне казалось, что она права, и я сказал ей: «Так давайте не повезем бомбы по указанному адресу». Но в ответ Яковлева заявила, что она на это не пойдет и раз я назвал адрес склада, то склад все равно будет провален, товарищи, работающие там, погибнут и мы также должны с ними погибнуть.

Агата Яковлева всю дорогу твердила об ужасе положения, которое я создал и довела меня до последней степени отчая-

ния. Нужно не забывать, что мне не было восемнадцати лет, в конспирациях и подпольной борьбе я не был закален. Яковлева была старше меня и то, что она говорила, я принимал за проявление большего опыта, большей конспиративной практики. В крайне тягостном настроении мы приехали на квартиру, где помещался центральный склад. Сильно меня обрадовало то обстоятельство, что товарищ, ведавший этим делом, был жив и невредим, что он был в веселом настроении. Пессимистические предсказания Агаты Яковлевой его рассмешили. Ни минуты не колеблясь, он разгрузил нас, после чего я почувствовал, какая огромная тяжесть лежала на моих плечах, на груди и на спине; с веселым смешком он выпроводил нас затем из квартиры.

По выходе из ворот дома я почувствовал не только освобождение от физической тяжести, но и огромную радость. Все оказалось лишь кошмарным вымыслом, ничего не случилось, но... Агата Яковлева думала иначе. Мы поехали на извозчике вместе с нею, причем всю дорогу от Мариинской площади, где мы после большого количества петель наняли извозчика, до Выборгской стороны она меня продолжала пилить за мою, якобы допущенную неосторожность, уверяя, что благополучная сдача бомб ничего не означает, что она абсолютно убеждена, что попозже, ночью, склад будет арестован и совершенно очевидно, что товарищи, хранившие у себя бомбы, будут приговорены к смертной казни.

Снова ушла радость завершенного дела и пришло отчаяние. Я вновь поверил в неизбежность провала, ареста, казней. Что делать? Бежать туда? Но товарищ, хранивший бомбы, смеялся над опасениями Яковлевой. И вот, приехав на свою квартиру, на Выборгской стороне, я всю ночь до рассвета переживал кошмары: в минуту, когда удавалось задремать, мне виделась смертная казнь, петля палача. Я вскакивал, хватался за револьвер и затем откладывал его в сторону только потому, что говорил себе — успею, узнаю об аресте и, не задумываясь, пушу пулю в висок.

Так прошла ночь. Я почти не спал. Ранним утром ко мне зашла т. Е., ведавшая в партийном комитете транспортировкой и хранением оружия. Она ужаснулась моему виду. Она

слышала уже кое-что на складе, откуда только что вернулась, и стала хохотать, когда я рассказал о тех ужасах, которые пережил.

Видя, что я оскорблен ее смехом, она заставила меня вспомнить подробности путешествия. Будучи опытным конспиратором (ей было в то время, повидимому, под сорок лет), она задала мне вопрос, который сразу снял все опасения. «А не помните ли вы, не было ли стука закрываемой двери до того, как вы назвали адрес?» И вот, порывшись в своей памяти, я вдруг отчетливо вспомнил, что действительно до того, как я назвал адрес, я услышал звук закрывающейся двери. Ликованию моему не было предела, я прыгал, как мальчишка, и никак не мог понять, чего от меня хочет т. Е. Кое-как усвоив сообщенные ею дальнейшие директивы, я заснул после ее ухода на целый день блаженным сном.

Как я потом имел возможность убедиться, дело обошлось абсолютно благополучно и склад не был провален.

Вскоре, совершенно помимо моей воли и желания, мне довелось «отомстить» моему товарищу, Агате Яковлевой, за пережитую тревожную ночь.

Как-то поздно вечером, часов в одиннадцать, я возвращался домой с какой-то партийной операции. Помню только, что у меня в портфеле было шесть револьверов. Недалеко от моей квартиры, я заметил кинувшуюся ко мне из под тени ворот Агату Яковлеву. Я спрашиваю ее: в чем дело? Она не захотела говорить и потребовала, чтобы мы немедленно пошли. Мы юркнули в переулок и взяли извозчика. Агата даже перекрестилась от радости, что мы его так скоро нашли, так как дело было ночью и улицы были пусты.

Я снова спросил: в чем дело? В ответ на это Агата спросила, что у меня есть в комнате и кого надо предупредить о предстоящем обыске моей квартиры. У меня в комнате в одном из ящиков комода было очень много нелегальной литературы, но не это была главная беда: ко мне завтра утром должны были притти представители всех районов Петербур-

га, которым я должен был вручить эту литературу. Время было революционное, конспирация в хранении литературы соблюдалась не особенно большая и ничего особенно страшного, в случае даже если бы ее нашли, не произошло бы. Однако пять-шесть товарищей могли быть арестованы и хотя бы на время оторваны от работы. К счастью, я знал их адреса и вот, опасаясь ареста товарищей, мы, меня извозчиков, начали объезжать все районы. Были за Нарвской заставой, за Невской заставой, в центре города, в конце концов израсходовали на извозчиков все деньги и на Васильевский остров уже пошли пешком. К тому времени уже было семь часов утра и открылась какая-то кофейная. Мы вошли туда, чтобы передохнуть и перекусить, но от усталости я так захотел спать, что, сидя за стаканом кофе, задремал. Агата Яковлева разбудила меня и, не допив кофе и не съев булки, мы вскочили и, расплатившись, побежали предупреждать товарищей, живших на Васильевском острове. Помимо этого мне еще предстояло предупредить товарища, жившего на Выборгской стороне, но на Васильевском острове мы решили расстаться, так как Агата жила там. Только перед тем как расстаться, Агата рассказала мне в чем дело: она пришла ко мне в 9 часов вечера, причем хозяйка квартиры — финка, страшно скупая и сварливая женщина, долго не хотела пропускать ее в мою комнату. В десять часов хозяйка вошла в комнату и попросила Агату выйти, так как она ложится спать. Агата заявила, что она не уйдет и дождется меня. Тогда хозяйка пробормотала какую-то угрожающую фразу, из которой Агата поняла только одно слово — полиция. Хозяйка куда-то ушла, и вслед за этим стукнула входная дверь. Агата подумала, что она пошла за полицией, пост которой был расположен недалеко от нашего дома. Открыв один из ящичков комода, она увидела там большое количество нелегальной литературы и решила, что если полицейский войдет в комнату, даже без ордера на обыск, то, заглянув в комод, он сейчас же позвонит, куда следует, и обыск будет неизбежен. Надо во что бы то ни стало предупредить меня. Она быстро оделась, вышла из квартиры и, к своему ужасу, вдруг увидела поднимающихся по лестнице околото-

ного надзирателя, а за ним хозяйку квартиры. Она прижалась в угол в тени плохо освещенной лестницы; околоточный и хозяйка квартиры прошли мимо, не заметив ее. Для нее стало совершенно очевидно, что околоточный войдет в мою комнату и, ввиду ее неожиданного исчезновения, подозрения и у него и у хозяйки квартиры увеличатся. Околоточный, даже не имея предписания об обыске, заглянет в незамкнутый ящик комода, и тогда гарантирован обыск и даже мой арест, в случае, если она меня не предупредит. И вот она стала в тени ворот одного из домов, прилегавших к моему дому, и там дожидалась меня.

• Этот рассказ был настолько правдоподобен, что я не сомневался в том, что дело обстоит именно так; кроме того беспокойно проведенная ночь и смертельная усталость понизили мою критическую способность, способность проверить все детали ее рассказа. Я был убежден, что буду арестован. Я уже говорил, что у меня в портфеле было шесть револьверов. Литература — пустяк, это грозило тюрьмой, может быть двумя годами. Оружие — это другое дело. Куда-нибудь его сдать не представлялось возможности, кроме как передать его той же Агате Яковлевой. Я передал ей свой портфель, она посоветовала мне не являться на квартиру и скрыться. Но меня вдруг охватила усталость и где-то в глубине сознания замелькала смутная мысль, что здесь что-то не так. Я сказал ей, что йду домой, что бы там ни было. Видя мое твердое решение, Агата не стала возражать, и мы договорились, что если я не буду арестован, то должен на другой день побывать у нее, а если меня арестуют, то она через некоторое время придет ко мне в тюрьму на свидание.

Придя на Выборгскую сторону, я предупредил товарища, что он не должен являться ко мне на квартиру и пошел домой. Вхожу в дом — никаких признаков засады. Звоню в квартиру — хозяйка открывает мне с обычным видом и тут же спеша ковыляет в кухню, как это было десятки раз, когда я входил к себе. Вхожу в комнату — все в порядке. Открываю ящик комода — литература здесь. Девять часов утра; солнце весело светит в окно. Я стою среди комнаты и недоумеваю. Вдруг меня разобрал страшный хохот над тем, что мы так

зря проплутали всю ночь. Я бросился на кровать и безмятежно заснул, не думая даже о развязке всей этой истории.

Проспал я целый день и только вечером начал осторожно расспрашивать хозяйку. Она мне сказала, что в моей комнате была какая-то девушка, которую она просила уйти, и так как последняя отказывалась, то она пошла за полицейским в надежде, что он поможет ей выставить эту незнакомую ей девушку. Полицейский, встреченный ею на пути к своей квартире, которая находилась на два этажа выше моей, наотрез отказался помочь. Она вернулась, девушки уже не застала и очень беспокоилась, не похищено ли что-нибудь из моих вещей. Тогда я ей сказал: «Но вы же шли вместе с полицейским!» Она была несколько удивлена, что я знаю об этом, но сказала: «Да, я шла за ним по лестнице и все убеждала войти в мою квартиру, чтобы выставить эту девушку, но он спокойно шел к себе домой, так как он живет двумя этажами выше и зайти в квартиру решительно отказался».

Занятый разными делами я не шел к Яковлевой. Лишь через десять дней после этой траги-комической ночи, я отправился к ней. В ответ на мой стук открылась дверь и мне показалось, что ее открыла не Агата, а как будто какой-то совершенно другой человек: глаза ввалились, щеки впали, лицо бледное, на лице следы тяжелых тревог. Она на меня смотрела, как на выходца из иного мира.

«Кто вас освободил?» Я рассмеялся и сказал, что не был арестован. Гневу ее не было предела: она рассказала, что в течение 8—10 дней, она ходила по всем тюрьмам и спрашивалась, нет ли тут заключенного Куйбышева. Ей неизменно отвечали, что такого нет и что, очевидно, он находится в жандармском управлении. Она обошла все тюрьмы и в то утро, когда я пришел к ней, собралась уже идти в жандармское управление узнать о моей судьбе. Мой приход был очень кстати, ибо совершенно естественно, что ее визит в жандармское управление привел бы к моему аресту.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ И СУД

В 1906 году я приехал из Петербурга в Омск — город, в котором я родился. Сейчас же связался с партийной организацией. Омский комитет РСДРП был в большинстве большевистским. Лидером комитета являлся Константин Андреевич Попов. Вскоре по приезде я был избран в состав Омского комитета. На меня было возложено общее руководство пропагандистской работой. Кроме того, я сам вел несколько рабочих кружков.

Из областного центра мы получили директиву — выбрать делегатов на общегородскую конференцию. После этой конференции должны были быть выбраны делегаты на всероссийский партийный съезд (речь идет о Лондонском съезде, состоявшемся в 1907 году).

Мы провели работу по созыву конференции, причем К. А. Попов на одном из заседаний комитета сказал нам, что в настоящий момент в Омске находится видный товарищ из центра. Фамилии товарища он не называл, сказав лишь, что товарищ бежал из ссылки, по пути за границу задержался в Омске и что он перед отъездом оставит нам проекты резолюций по некоторым вопросам. Мы просили задержать отъезд этого товарища с тем, чтобы он присутствовал на нашей общегородской конференции. Константин Андреевич ответил, что это вряд ли возможно, но что нашу просьбу он передаст товарищу. Мы были очень обрадованы, когда на заседании конференции появился некий тов. Абрамович (таков был его паспорт) и принял участие в работах конференции.

Конференция собралась на окраине города, в маленьком доме, в сравнительно большой комнате. Домик снимался на